Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Хруст судьбы

05.09.2024.

Выбирайте правильные игры для ваших детей, дорогие читатели! (DR)

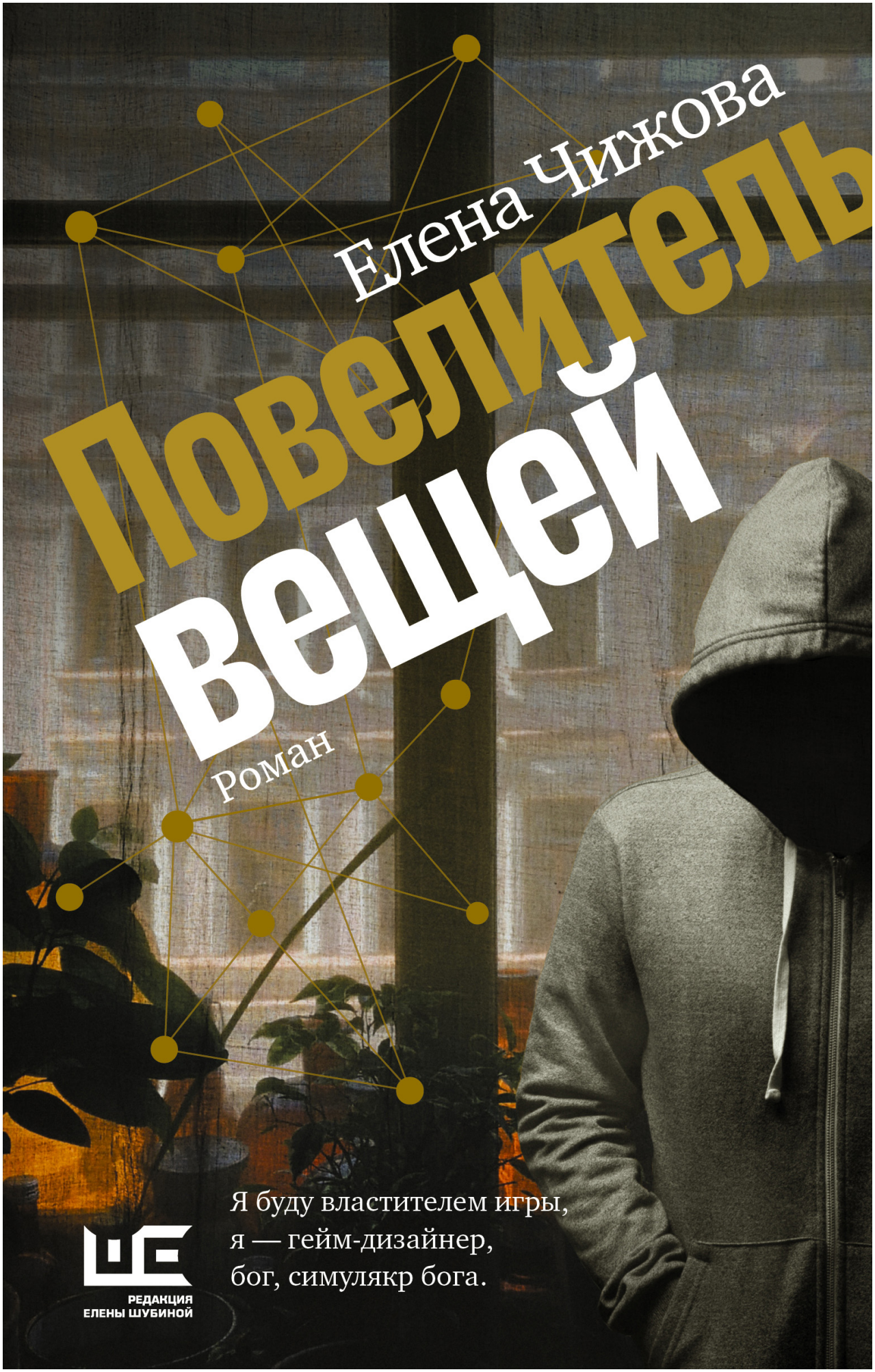
Сегодня в книжные магазины Швейцарии и Франции поступит книга Елены Чижовой «Повелитель вещей», французский перевод которой подготовило лозаннское издательство Editions Noir sur Blanc.

Мы познакомились с Еленой Семеновной Чижовой еще в 2015 году, поводов для знакомства было два: выход на французском ее романа «Время женщин» и участие писательницы в женевском Международном книжном салоне. Да, были такие времена… Та встреча, вылившаяся в интервью, состоялась в квартире Елены Чижовой в Санкт-Петербурге, где она живет до сих пор. Несмотря ни на что.

Рассказ о книге, давшей повод для нынешней публикации, мы хотим начать с детали,

на которую обычно не обращают внимания: с даты подписания в печать первого издания романа, в издательстве «АСТ/ Редакция Елены Шубиной». На русском языке, разумеется. Дата эта – 26 января 2022 года. Меньше, чем за месяц «до». Если верить, что в литературе не бывает совпадений, то роман этот можно считать прологом и аннотацией к тому, что случилось после. Ведь действие его начинается в «хмурое мартовское утро», а точнее – 18 марта 2014 года, в день «аннексии Крыма» для одних действующих лиц и «принятия в Россию Республики Крым» для других. Наш Крым или не наш?

Эта проходящая через все повествование раздвоенность показана автором как в преломлении к обществу в целом, так и каждому из главных героев в отдельности. Героев этих три, три представителя разных поколений: бывшая учительница Анна Петровна, после выхода на пенсию работающая уборщицей, чтобы сводить концы с концами; ее 25-летний сын Павел, типичный геймер, живущий в интернете, и ее пережившая блокаду Ленинграда мама Анастасия Дмитриевна, «мамочка». В том почти десятилетней давности интервью Елена Семеновна говорила о том, что «живы еще бабушки, которые нынешних двадцатилетних так или иначе воспитывали. Да и вообще сегодняшние российские реалии не оторваны радикальным образом от советских», и подтвердила этот тезис в новом своем романе, определив при этом и тенденцию к растущему непониманию, к потере интереса, к очень разному «считыванию» реальности этими пересекшимися во времени и пространстве поколениями.


Елена Чижова
Повелитель вещей
Роман
Я буду властителем игры,
я — гейм-дизайнер,
бог, симулякр бога.
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Начнем с названия – «Повелитель вещей». Что послышится в нем представителям старшего поколения? Хочется надеяться, «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, а может, и «Бог мелочей», великолепный дебютный роман индийской писательницы Арундати Рой, давно переведенный на русский. А поколению Павла? Бесспорно, «Война престолов» и «Властелин колец», в игровом, не литературном варианте. «Каждый слышит, как он дышит», каждый считывает то, что ему близко.

Вероятно, исходя из того, что дети – наше будущее, переводчица Марианна Гург Антушевич склонилась к прочтению Павла и назвала роман по-французски «Большая игра». Название это очень верное не только потому, что игры занимают большое место в книге, но и потому, что вводит еще одну отсылку – к одноименному пропагандистскому ток-шоу на Первом канале российского телевидения, которое ведут заигравшиеся в дурную игру взрослые дяди. Заигрались. Доигрались. (Тот факт, что шоу это появилось через несколько лет после описываемых событий, не меняет сути.)

Присутствие раздвоенности настолько важно и ощутимо, что невольно хочется составить два столбика, чтобы в первый записать признаки одной реальности и отсылки к ней, а во второй – другой. А потом посмотреть, пересекутся ли они между собой, а главное – в восприятии читателей, даже русскоязычных, не говоря уж об иностранцах. Читатели из первой, скажем так, категории будут продвигаться по тексту, периодически останавливаясь, чтобы радостно охнуть, «споткнувшись» о лермонтовский камень, положенный в руку нищего, или чтобы преодолеть головокружение от духов и туманов Незнакомки Блока – шлейфа его же Прекрасной дамы. (Дама эта, кстати, прямо названа автором по имени, но имя это ничего читателям из второй категории не скажет, они имени ее не знают и не хотят узнать.) Твердо помня наказ Булгакова не разговаривать с незнакомцами, «первые» с подозрением отнесутся к появлению странного соседа в опустевшей квартире сверху – и в этом «пересекутся» со «вторыми» и с Павлом, Булгакова вряд ли читавшим, но из-за постоянного пребывания в виртуальной реальности утратившим базовые навыки жизни в социуме: он предпочитает вообще ни с кем не разговаривать, только бы его оставили в покое. Смысл его жизни – в игре, и постепенно «фейки» смешиваются с реальностью настолько, что он и сам их не разбирает. В этой игре он хочет быть главным, «симулякром Бога», на другую роль не согласен. Война для него – войнушка, а Алжир – только страна, но никак не лагерь для семей врагов народа, этого он «не считывает».

Раздвоенность видна не только в «живых» героях романа, но и в неодушевленных: в старой петербургской квартире нищета соседствует с антиквариатом, среди которого внимание читателя настойчиво привлекается к бронзовой лампе с ангелом. Что, разумеется, неспроста. А «скелеты» надежно спрятаны в шифоньерке, ключ от которой остается утерянным. Даже гардероб Анны раздвоен: китайский пуховик, купленный на барахолке, и модные трепки, в момент отчаянного порыва приобретенные в модном магазине. Но жизнь ее трещит по швам, какое платье ни надень. Раздвоены и ее мечты об идеальном спутнике жизни, разбивающиеся о суровый вывод после оценки имеющихся на этом рынке кандидатов: «Да на черт он сдался мне такой!» И тут барахолка.

Elena Tchijova

Le Grand Jeu

Traduit du russe par Marianne Gourg Antuszewicz

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Старинная шифоньерка вместе с ее секретами – богатство Анастасии Дмитриевны, а сам этот персонаж – отдельный подарок Елены Чижовой любителям русской классики, который они могут смаковать, наблюдая за его развитием. Поначалу ничего, кроме возмущения, героиня эта вызывать не может – настоящая Кабаниха Островского, с той разницей, что Анне она – не свекровь, а мать родная. Родная как родина. Родина-уродина, откровенно измывающаяся над своей дочерью – больше-то не над кем. А дочь, никакой любви к матери давно не испытывая и мучаясь вопросом, почему та ее не любит, продолжает ухаживать за ней, потакать всем ее капризам и называть «мамочкой». Тут все понятно: с одной стороны – палач, с другой – жертва. А вот Павел старуху любит, мать жалеет, а ее по-настоящему любит, хоть и называет ее не бабушкой или бабулей, а исключительно бабкой или старой ведьмой. Его привлекает к ней «тайна», что не мешает ему потихоньку украсть все ее сбережения, заменив одни бумажки на другие…

Ну что, читатель, узнаешь? Что-то подобное нам уже встречалось. Теплее, теплее…Мы же дали вам столько подсказок из зала… Ну, конечно! На наших глазах Анастасия Дмитриевна превращается в старую графиню, в Пиковую даму, для полноты картины еще и подмигивающую разочарованному Павлу в самый драматический момент. И выясняется, что и она – по-своему тоже жертва, ведь в моменты помутнения рассудка, все более частые, видятся ей не светские балы ее молодости, а страшные сцены с оврагами и полигонами. И призраки им являются разные: одной – граф Сен-Жермен, а другой – безымянный мужчина в очёчках, в какой-то момент возомнивший себя Повелителем, но оказавшийся рядовым исполнителем. Ну, а внук ее Павел – это, разумеется, Германн, одержимый жаждой денег, толкающей его на преступление. Так и ждешь, что он вот-вот пропоет крепким драматическим тенором:

Что наша жизнь – игра,
Добро и зло, одни мечты.
Труд, честность – сказки для бабья,
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья,
Сегодня ты, а завтра я!

Вспомните, кстати, с чего начинается опера Чайковского? В прологе мальчишки играют в войну, а в первой сцене обсуждается вчерашняя игра, карточная. Так и в прологе нашей жизни, в детсадовском возрасте, со стихов о войне и игр в нее начинается наше понимание Родины. И никто в этих играх не хочет быть проигравшим. «Пусть проигравший плачет, кляня свою судьбу!» А пушкинская Лиза в какой-то момент называет Германа «мой повелитель».

Отрезвление приходит к Павлу только тогда, когда в его ушах раздаются не экранные стрелялки, а реальная угроза мобилизации, или хруст его собственной судьбы – сильнейшее образное выражение Елены Чижовой, которое мы позволили себе позаимствовать в названии этой рецензии. Павел, как и Германн, не убивает свою бабушку по-настоящему, он не становится убийцей, исполнив завет бабки, напоминавший и мольбу, и угрозу проклятия. Более того, он добивается успеха. Но для этого ему приходится уехать из страны, оставив и родину, и мать. А его любимая жена умерает совсем молодой от лейкемии, болезни крови. Жалок ли его жребий? Можно ли и его считать жертвой? И что же такое у всех нас в крови? Уж не отправлена ли она, на самом деле?

Архангел Гавриил, византийская икона, Третьяковская галерея

Если так рассуждать, то выходит, жертвы – все? И потому и является им Гавриил, чье имя буквально переводится как «сила Господня» и который, согласно Ветхому завету, приходит как ангел смерти, как посланник «верховного суда», за праведниками – с идеально ровным ножом в руках? Даже ангел с ножом. И какая связь между этим ангелом и тем, что на бронзовой лампе? Кстати, именно Гавриил раскрывает пророку Даниилу тайны будущего, догадаться о смысле которых в жизни порой можно и без ангелов, а просто благодаря трезвому анализу прошлого – надо только требовать от бабушек и дедушек рассказов о нем.

Но не могут же все быть жертвами, должен же кто-то быть виноват?! Или и виноваты тоже все? Не в этом ли высшая раздвоенность, которой сопутствует изобретенное автором романа слово «ловитва», которое мы расшифровали как ловля+молитва? (К сожалению, перевод эту двойственность не донес.)

Книга Елены Чижовой изумительно многослойна, она полна намеков, недосказанностей и просто невысказанностей, что делает чтение еще более увлекательным, заставляя читателя постоянно быть начеку.

Уверены, ваши мнения разделятся по многим вопросам и предлагаемым ответам на них, но книгу мы искренне советуем прочитать всем – если бы это сделал француз Оливье Пи, то не поставил бы «Пиковую даму» так, как поставил. А вдруг найдется еще талантливый режиссер, который покажет этот этот шедевр Пушкина с Чайковским в трактовке Елены Чижовой? На наш взгляд, интересно получилось бы.

И хорошая новость напоследок. 28 августа в парижском книжном магазине Delamain объявили лауреатов премии журнала Transfuge. Созданная в 2015 году, эта премия сопровождает осенний и зимний литературные сезоны и поощряет авторов романов в разных категориях, включая лучший русский роман. Им в этом году стал « Повелитель вещей » Елены Чижовой! Ура!

P.S. Дорогие читатели! Поскольку вы дочитали статью, то есть доиграли игру до конца, мы предлагаем вам целых два бонуса. Первый – это интервью Елены Чижовой, записанное известным вам швейцарским режиссером Антуаном Каттеном. Второй – Ария Германа в исполнении Владимира Атлантова. Слушайте, смотрите, размышляйте!

русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке
русская литература во французских переводах

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/craquement-du-destin*